

ЭТО БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ НАХОДКА.

ИМЕННО ОТСУТСТВИЕ СЕНСАЦИОННОСТИ, ВЗГЛЯД «ОДНОГО ИЗ ТЫСЯЧ»,

ДЕЛАЕТ ДНЕВНИКИ ШТРЕЗАУ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВАЖНЫМИ:

ОН ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ВСЁ, ЧТО ОН ЗАМЕЧАЛ И ОСМЫСЛЯЛ, МОГ ЗАМЕТИТЬ И ОСМЫСЛИТЬ ЛЮБОЙ. НО ИМЕННО В ЭТОМ ОБЫДЕННОМ И РАСКРЫВАЕТСЯ МЕХАНИЗМ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.

DIE ZEIT

ЭТО НЕ ТОЛЬКО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ, НО И СВИДЕТЕЛЬСТВО ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ — ПОПЫТКИ СОХРАНИТЬ ЯСНОСТЬ И ДИСТАНЦИЮ В МИРЕ, ГДЕ ДИКТАТУРА ПРОНИКАЕТ В САМЫЕ ОБЫДЕННЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ. ДНЕВНИКИ ШТРЕЗАУ ЧИТАЮТСЯ НЕ КАК МУЗЕЙНЫЙ АРТЕФАКТ, А КАК ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ЗАСТАВЛЯЕТ ДУМАТЬ И О НАШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ.

DEUTSCHLANDFUNK KULTUR

Hermann Stresau

**VON DEN NAZIS
TRENT MICH
EINE WELT**

**Tagebücher aus der
inneren Emigration
1933-1939**

Герман Штрезау

БИБЛИОТЕКАРЬ из Третьего рейха

*«От нацистов
меня отделяет целый мир...»*



Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Ш93

Hermann Stresau

VON DEN NAZIS TRENNT MICH EINE WELT:
TAGEBÜCHER AUS DER INNEREN EMIGRATION 1933–1939

© 2021 by Hermann Stresau
© 2021 by Klett-Cotta - J. G. Cotta'sche Buchhandlung
Nachfolger GmbH, Stuttgart
Published by arrangement with Gaeb & Eggers Literary
Agency, Berlin

Перевод с немецкого *Владимира Найденова*

Штрезау, Герман.

Ш93 Библиотекарь из Третьего рейха. «От нацистов меня отделяет целый мир...» / Герман Штрезау ; [перевод с немецкого В. Найденова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (Сильнее смерти. Невероятные истории силы духа).

ISBN 978-5-04-214135-5

В 1933 году, после прихода нацистов к власти, немецкий интеллектual и библиотекарь Герман Штрезау вновь начинает вести дневник. Его увольняют, он наблюдает, как из культурных и академических институций вытесняют профессионалов, а на их место приходят лояльные режиму люди; как сжигают книги, меняются литературная жизнь, публичная речь и сама атмосфера общества. С исключительной наблюдательностью Штрезау фиксирует не только политические события, но и реакции окружающих: растерянность, конформизм и внутренние компромиссы.

Эти дневники — важнейший документ внутренней эмиграции и редкий по точности портрет немецкого общества накануне катастрофы. Штрезау показывает, как диктатура проникает в частную жизнь, профессиональную среду и бытовые разговоры и как быстро страх и уныние становятся частью повседневности. Перед нами не просто дневник, а книга о моральном климате времени и цене внутреннего несогласия.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

© Найденов В.В., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-214135-5

Содержание

Комментарий редакторов немецкого издания	9
Предисловие автора к первому изданию своих дневников	11
1933 год	14
1934 год	173
1935 год	200
1936 год	242
1937 год	285
1938 год	319
1939 год	351
Приложение	366
Послесловие	370
Примечания оригинального издания	385

«Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть возвышенны, но слова — покорны».

*Конфуций, ок. 500 г. до н. э.,
перевод П. С. Попова (1842–1913)*

Комментарий редакторов немецкого издания

В 1948 году в берлинском издательстве *Minerva* под названием «Из года в год» в редакции Германа Штрезау вышла подборка его дневниковых записей, сделанных в период с 1933 по 1945 год. В своем предисловии, которое также предшествует и данному переизданию, Штрезау указывает на то, что ввиду ограничения по объему использовал сокращения. Кроме того, он стилистически переработал для книги богатые цифрами записи из оригинального дневника.

Именно последнее и потребовало вмешательства редакторов. Поскольку изменения, сделанные Германом Штрезау, касаются исключительно стилистических правок, они заимствованы из его последнего прижизненного издания 1948 года. Более крупные сокращения, сделанные Штрезау, мы дополнили соответствующими статьями. Кроме того, в это новое издание перенесены все недостающие дневниковые записи.

В крайне редких случаях точно восстановить текст было невозможно; оригинальные записи делались вручную, и некоторые слова так и остались неразборчивыми. Там, где потребовалось, мы сделали соответ-

ствующие пояснения. В книге «Из года в год» Герман Штрезау применял сокращенные имена. По мере возможности мы заменили все подобные сокращения в основном тексте на подлинные имена и включили в примечания более подробные биографические данные о тех или иных людях.

Петер Граф, Ульрих Форе

Предисловие автора к первому изданию своих дневников

С того дня, как меня по политическим мотивам уволили из берлинской библиотеки¹, и вплоть до вступления американцев в Гёттинген, то есть с апреля 1933 года по апрель 1945 года, я с небольшими перерывами вел дневник², куда записывал происходящие события, свои впечатления и мысли*. Пусть читатель не ждет здесь каких-то сенсаций: я не был в концлагере, с гестапо у меня состоялось лишь одно безобидное знакомство, и я даже не был солдатом. Моя личная судьба, насколько можно судить по этим записям, была одной из тысяч судеб — притом не слишком примечательной. И все-таки это была судьба одного из тех, кто предпочитал нести в себе тяготы своего неверия, а не преимущества иллюзии. Я стремился сохранить свою свободу; то, что это было возможно, можно считать удачей или случайностью. Легко это не было. Даже будучи «свободным» писателем, приходилось

* Данная книга — дневники довоенного периода, 1933–1939 годов. Второй том дневников автора, согласно последнему немецкому изданию, охватывает 1939–1945 годы. (См. также: Hermann Stresau, *Von den Nazis trennt mich eine Welt: Tagebücher aus der inneren Emigration 1933-1939*; Hermann Stresau, *Als lebe man nur unter Vorbehalt: Tagebücher aus den Kriegsjahren 1939-1945*). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

мириться с жизнью, полной неопределенности, если сознательно избегать любых льгот со стороны власть имущих. Это было возможно лишь благодаря пониманию и дружеским связям с единомышленниками.

Особенно нелегко было жить в условиях грандиозно раздутой системы власти, в условиях духовного террора, фантастической лжи, замкнутости, стремления не быть ослепленным даже кажущимися достоинствами и успехами. Это было тяжелее, чем смотреть на эти записи, в которых много личного, что, возможно, связано со всем происходящим лишь косвенно. Кроме того, из-за ограниченного объема пришлось сократить значительную часть текста, и в итоге было удалено почти все, что не относилось к сути дела — постоянного осмысления политического смысла происходящего. Ведение дневника было для меня практически единственной возможностью свободно и без ограничений размышлять о событиях.

По самой природе дневника многие реакции возникают спонтанно, в момент написания, особенно если у автора нет других источников информации, кроме газет, чья достоверность, как известно, была крайне сомнительной. Поэтому некоторые размышления, а особенно оценки, могут сегодня казаться устаревшими. Например, в чем-то я, вероятно, считал Гитлера более наивным или импульсивным, чем он был на самом деле. Однако читатель сможет и должен заметить главное — постепенное осознание анархии человеческих ценностей, явление, которое редко встречается в истории, и полный крах этих ценностей, который, можно сказать, стал почти закономерным итогом.

Удивительно наблюдать, как многие современники, особенно немцы, не обращают внимания на этот факт и поныне. Они видят внешние разрушения и не видят, что они являются лишь иллюстрацией внутрен-

него краха. Потому что анархия ценностей проникла в самую сердцевину народа. На самом деле эта анархия и есть то, чему мои записи пытаются отчаянно противостоять. Противник режима тоже только после краха осознал величину и масштабы анархического уничтожения, которое отнюдь не прекратилось с приходом безудержной деспотии; как ранее предполагали некоторые, что после окончания национал-социализма лучшее или даже хорошее просто вернулось на круги своя: давно ясно, что лучшее должно быть создано заново. И это при условии, что вы вообще в это верите.

Что ж, эти листки, содержащие богато и субъективно окрашенный рассказ о двенадцати годах Третьего рейха, все же основаны на фундаментальном представлении об определенных ценностях, которые, как я полагаю, могут лишь придать человеческой жизни прочность, смысл и надежду. На самом деле, чтобы поверить в исцеление, казалось бы, неизлечимого, их нужно воспринимать как объективные ценности. Исцеление может прийти лишь от духа и истины и никогда — от иллюзий, и читатель, не немец конечно, если столкнется с подобным лицом к лицу, может извлечь из этого для себя некоторые уроки. В конце концов, за свою величайшую ошибку народ не должен был напрасно расплачиваться поражением, равносильным трагедии...

1933 год

Шёнвальде¹, 6.04.33

В понедельник, 3 апреля, мы переехали сюда из Берлина. Строительство дома на нашем участке в поселке толком завершено не было: Фольман² и товарищи, вероятно обманным путем, подвели нас. От городской квартиры мы отказались по совету архитектора³, и когда дом был закончен лишь вчерне, деньги закончились, и теперь до всей строительной бригады, все члены которой во время переворота оказались нацистскими товарищами по партии, не достучаться и не дозвониться. В последнюю минуту мы все-таки отыскиали себе жилье, своего рода летнюю беседку, деревянную пристройку в хозяйстве у деревенского пекаря Хинца. Для размещения в одном жилом помещении с прилегающей кухней пришлось избавиться от множества вещей, оставшихся от нашей предыдущей семикомнатной квартиры; большая часть из них упакована и сложена на полу над пекарней, но и того, что оставили, все еще слишком много для двух человек...

Весь переезд получился отвратительным, все происходило в холодную дождливую погоду. С первой частью наших вещей выехал я, вечером приехала Грета⁴ с собакой. Когда мы встретились, уже стемнело. До этого я сходил на место стройки нашего злополучного дома, который выглядел весьма безрадостно. Я шел по

мокрым полям, чувствуя, будто воздух сгустился, как в прошлую войну...

Во вторник рано утром, когда мы еще не пришли в себя, пришел Эрих Мюллер⁵ и принес «Иовову весть» о моем увольнении. За завтраком мы поговорили о положении дел, которое меня, в сущности, мало волновало; Грета тоже, как оказалось, была не так уж потрясена. Мы слишком часто говорили с ней о том, что такое может вот-вот произойти. Я ожидал этого несколько недель, хотя по службе у меня не было повода. После долгих разговоров вокруг да около с моим начальником, доктором Визером⁶, я в конце концов сам ему объяснил, что отношусь к НСДАП с серьезными оговорками, да и коалиция Гитлера – Папена* вызывает у меня озабоченность. По сути, все это было бессмысленным...

В весьма ветреную и прохладную погоду пешком отправился с Мюллером в Шпандау, оставив Грету одну среди хаоса из коробок и мебели. Мюллер весьма разумно посоветовал не устраивать сцен при встрече с доктором Визером, хотя мы оба были убеждены, что главный виновник моего увольнения именно он.

В Шпандау, где мы с Мюллером расстались, у входа в ратушу я встретил доктора Визера, который впервые за несколько недель пожал мне руку и рассказал кое-что об увольнении. Он неоднократно уверял меня, что он сам ни в чем не виноват, на что я отвечал, что, собственно, и не утверждал этого. По его словам, увольнение было инициировано советом

* Коалиция Гитлера – Папена – правительство, сформированное в январе 1933 года, в котором НСДАП пришла к власти в союзе с консервативными элитами. Вице-канцлер Франц фон Папен и его сторонники рассчитывали контролировать Гитлера, однако эта коалиция стала лишь переходным этапом к установлению нацистской диктатуры.